
Рина Уэйн
Браслет
из
жемчужных
слез
18+

Рина Уэйн

Браслет из жемчужных слез

https://litres.ru/74743237
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где моделей продают, а скандалы заминают, Шираюки — идеальная жертва: фарфоровое лицо, чужие амбиции, своя пустота. Она ненавидит этот мир — и не может без него жить. Но когда вокруг начинают пропадать девочки, а полиция молча разводит руками, перед ней встаёт выбор: остаться идеальной куклой на витрине — или рискнуть всем, чтобы стать собой. Какой же выбор она сделает?

Содержание

Пролог 4
1. Белый шум 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Рина Уэйн
Браслет из жемчужных слез

Пролог

Грубая мелодия скрипки била в кости. Белый, режущий свет прожекторов въедался в кожу. Она шла, держа спину прямо, подбородок чуть задрала вверх. Лицо, как у фарфоровой куклы — идеально подведенные вишневые губы, белая пудра, длинные коричневые ресницы. Алые волосы ниспадали на плечи ровным, густым водопадом. На теле ни шрама, ни лишней родинки родинки, ни пятнышка. Камера ловила каждую линию — все изгибы ее стройного, почти худощавого тела. Мужчины в первом ряду смотрели жадно, голодно. Так, будто силой мысли можно было раздеть, дорисовать ее образ. Сделать его более пошлым и вульгарным. Она не моргала. Шла ровно, безэмоционально смотря вперед.

Первый толчок отозвался внутри нее болью. Он навис сверху. Тяжелый, упитанный. Дышал часто, влажно, прямо ей в шею. Она лежала на спине, гадая, куда деть руки. Сначала положила их ему на плечи — он стряхнул: «Не мешай». Она послушно убрала. Опустила на простыню. Сжа-

ла ткань. Он задвигался резко, не в такт, будто торопился куда-то. Боль никуда не уходила, хотя она читала о том, что так быть не должно. И эта неловкость между ними не позволяла расслабиться. Будто она делала что-то не то, а он терпел. Она попыталась двигаться навстречу — он выдохнул раздраженно: «Лежи». Она лежала. Руки по швам. Будто проводила брачную ночь не со своим мужем, а на построении в армии.

Подиум пестрил огнями. Шаг, еще шаг. Шелк скользил по бедрам, стелясь у каблуков, приятно цокающих по паркету. Кто-то шептал: «Боже, она…» — и не договаривал. Она слышала все: каждый вдох, ухмылку, пошлые восклицания. Улыбка на ее лице была едва заметной – все четко по нормам модельного мира. Ни больше, ни меньше. Она знала, как держать лицо — ей не давали поблажек едва ли не с самого детства.

Он пыхтел. Громко. Так, что ей хотелось закрыть уши, но она не могла — руки на простыне — он запретил ими двигать. И это лишь усиливало ее собственную беспомощность. Он не смотрел на нее. То закрывал глаза, то глядел куда-то в сторону, будто ее здесь не было. Она попробовала стонать — тихо, как видела когда-то в кино. Он не реагировал. Губы его дернулись, будто это только разозлило его. Она замолкла. И лежала. Стала ждать, когда это закончится, стараясь игнорировать боль.

Свет в зале погас. Она ступила с подиума за кулисы —

ее тут же взяли под руки — менеджер, ассистент, визажист. «Вы были великолепны, мисс». Она кивнула, как делала всегда, чтобы от нее отстали и не донимали лишними разговорами. Она не чувствовала ног. Каблуки стерли кожу в кровь — привычное дело. Она научилась скрывать это. Отключать голову, молча выполняя работу. Тело в такие моменты становилось чужим.

Он закончил в каким-то несуразным злым выдохом, вжимаясь в ее тело. Она чувствовала, как его дрожь от напряжение. Он рухнул рядом с ней, тяжело дыша. Она тоже дышала, стараясь удержать всхлипы в груди. Смотрела в потолок. Тишина. Все тело гудело от тягучей боли. Внутри что-то так долго собиралось в узел — болезненно натирая, но так и не достигло финала, из-за чего напряжение стало ощущаться сильнее. Она хотела сказать ему что-то, но он поднялся с кровати, наспех застегивая свои брюки. "И почему только я должен с тобой возиться" – бурчал он себе под нос, но она слышала. "Одни только кости. Кто вообще захочет…" он осекся, чертыхаясь. Посмотрел на нее с каким-то одолжением и вышел из спальни. Она осталась одна.

Зеркало в гримерке висело криво. Несмотря на это, отражение, глядевшее на нее было идеальным. Волосок к волоску. Четкий макияж, непоплывший от жара прожекторов, от сотни заискивающих взглядов. Корсет белого платья идеально подчеркивал стройность фигуры и выделял бюст. Прозрачная мантия на плечах струилась ровными складками

вниз. Стразы переливались в свете гримерных ламп. Фарфоровая кожа сияла, как у кукол на дорогих прилавках. Она была прекрасна. И она это знала.

Она еще долго лежала в постели, после того, как он ушел. Тело впервые казалось ей чужим. Грязным, противным. Она через силу встала и заставила себя принять душ. Посмотрела на себя в зеркало — прямо напротив девушка с бледной кожей и несуразными алыми волосами. Мокрые пряди торчат в разные стороны. На лице глубокое отчаяние. Тело, слишком худое – до выступающих под кожей костей. Она провела рукой по животу, по бедрам, будто проверяя: все ли на месте?

Все вокруг восхищались ее изящностью и красотой. Она едва ли не была богиней в этом порочном мире. Мире, где можно было воплотить мечты в жизнь. Создать что-то такое, на что будут смотреть с неприкрытым изумлением: одежду, образ, украшения. Ее любят, обожают. Ее хотят — хотя от этого уже тошнит. Она живет сценой. Любит себя. Любит внимание. Она любит изыск. Любит эту тонкую, особенную красоту.

Ему она была не нужна — это было понятно. Потому, как он уклонялся от ее поцелуев, потому как морщился на ее попытки сделать хоть что-то ввиду неопытности. И даже тело с идеально гладкой, бархатной кожей его не привлекало — почему-то наоборот, только больше отталкивало. Она смотрела на себя, борясь с желанием разбить это чер-

тово запотевшее зеркало. Ее тело – лишь оболочка. Бренд, который любой мог купить, использовать и бросить. И она ненавидела этот бренд. Ненавидела себя. Ненавидела эти пошлые взгляды. Потому что во всем этом не было никакой ценности. В этом не было ее самой.

1. Белый шум

Шираюки сонно поморщилась, чувствуя, как гудит голова. Все тело будто налилось свинцом и не готово было подниматься с постели. Руки отекли из-за выпитого ночью жасминового чая, так что теперь, обручальное кольцо, которое она не сняла перед сном, ужасно давило, будто хотело и вовсе лишить ее пальца.

— Мисс, вы рискуете пропустить завтрак, если не встанете прямо сейчас.

Она подняла голову, машинально хмурясь. Зен стоял у кровати, держа в руках ее халат. Вид, как всегда, невозмутимый, лишенный эмоций.

— Ты мог не приходить в такую рань, — фыркнула она, утыкаясь носом в подушку.

— Я предупреждал три раза. Вы не отзывались. Ждать более я не мог.

Шираюки готова была завыть от его принципиальности. Он служил ее телохранителем вот уже четвертый год — с момента замужества, и все никак не переставал раздражать. Не то, чтобы он делала что-то не так. Наоборот. Каждое его действие было правильным до автоматизма. Настолько, что он умудрялся угадывать даже с тем, что нужно было ей самой. И, кажется, знал он ее лучше, чем она сама себя, что тоже не могло не раздражать.

Она перевернулась на спину. На потолке, между стягами балдахина виднелась бледная трещинка.

Шираюки насупилась. Будь ее воля, она бы и вовсе не просыпалась этим утром.

Еще вчера казалось, что все это так далеко и вот теперь… Встречи с мужем было не избежать – очередной день, когда ей придется вылезти из своего безопасного кокона и терпеть все эти предвзятые взгляды и улыбки. Банкет по подведению итогов и определению новых планов на декабрь пропустить было нельзя.

— Мисс, поторопитесь, — голос Зена в который раз развеял все гниющий в голове видения.

— Да знаю я, — она сползла с кровати, ступая босыми стопами по ковру. Тело почти обнажено: тонкая ночная маечка просвечивала в полумраке комнаты, а шорты не отличались от нижнего белья. Но она не пыталась ничем прикрыться. Подошла к шкафу, открывая створки и как бы невзначай качнула бедрами, смотря на Зена через зеркало на дверце.

Взгляд его был направлен в сторону постели, но она знала, что он видит ее. Боковым зрением, замечает все, что она делает. Замечает, но не смотрит. И это злило ее, как ничто другое. Потому что на нее смотрели все, кроме него.

— Позвать Имани? Она поможет вам с платьем.

— Сама справлюсь, — огрызнулась Шираюки. Настроение было ни к черту.

Она подошла к нему. Он любезно помог ей накинуть на

плечи халат и отошел назад.

Шираюки умылась, нанесла на кожу легкий макияж – лишь подвела слегка ресницы и помазала губы вишневым блеском. Уложить волосы в локоны помогла горничная. Иша частенько заменяла ее личного парикмахера, творя чудеса с непослушными алыми локонами.

— Мисс, на следующей неделе нужно будет подкрасить корни, — закручивая их плойкой, сказала Иша. Голос у нее был мягкий, с легкой улыбкой. Она была младше Шираюки на год, но несмотря на это, нрав ее был спокойным, а в некоторых вещах она была умна сильнее некоторых взрослых. Так и не скажешь на первый взгляд, что этой особе всего двадцать один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.